

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ УСВОЕНИЯ БИБЛИИ: ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРОВ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.*

Сергей ГОЛОВАЩЕНКО, доктор философских наук, профессор Национального университета “Киево-Могилянская академия” (Киев)

ORCID: 0000-0003-3416-6140
sergeantgolov@gmail.com

“Богословские размышления” № 20, 2018: 11-36

DOI: 10.29357/ISSN.2521-179X.2018.20.01

Аннотация: В данной статье автор обращается к историко-церковному и библейско-богословскому наследию Киевской духовной академии XIX – начала XX в. в еще не исследованном аспекте. Впервые проанализированы труды целого ряда профессоров КДА, в которых на протяжении длительного периода был осмыслен опыт реформационного и шире – протестантского влияния на становление и развитие православной библейской науки и традиции общественного употребления Библии. В частности, было отмечено, что широкое общественное применение Библии еще со времен крещения Руси становилось признаком общей христианской идентичности и вхождения в глобальную общность цивилизованных народов. Реформационное влияние во многом определило трансформацию восточнославянской православной культуры в условиях межконфессионального взаи-

модействия европейских народов. С протестантским влиянием связана и возникшая в киево-могилянский период традиция православного прочтения Библии с учетом ее масоретского оригинала. А возможность применения методов библейской “высокой” критики инициировала становление научной православной библеистики. Наконец, мировой протестантский опыт применения библейских принципов, норм, символов в различных сферах социальной и культурной жизни анализировался православными киевскими исследователями как фактор общественной модернизации, особенно в условиях противодействия тогдашним секулярным и революционным тенденциям.

Ключевые слова: Библия, библейская экзегеза, библейская история, библейская критика, переводы Библии, Реформация, протестантизм, православие, Киево-могилянская академия, Киевская духовная академия.

* *Статья поступила в редакцию 27.12.2017; утверждена в печать 12.03.2018.*

Минувший, но еще памятный юбилей Реформации актуализировал вопрос о ее влиянии и шире – о влиянии мировой протестантской культуры в целом на различные аспекты отечественной религиозной и культурной истории. Это позволяет высказаться и относительно некоторых моментов становления украинской православной традиции прочтения, исследования и общественного употребления Библии. Не претендуя здесь на исчерпывающий перечень и анализ, остановимся на некоторых сюжетах и феноменах, показательных и красноречивых с данной точки зрения. Опорой в этом станут размышления и оценки, высказанные преимущественно во второй половине XIX – в начале XX в. целым рядом выдающихся представителей библейско-богословской и церковно-исторической науки Киевской духовной академии. Таким образом, мы продолжим предыдущий анализ киевской православной духовно-академической традиции¹ – теперь уже в достаточно своеобразной связи с европейским и мировым культурным и религиозным контекстом.

Отметим, что целиком оправданным является появление у многих читателей потребности в более полном ознакомлении с историческим и духовно-интеллектуальным контекстом данной темы. В частности, речь может идти о характерных для второй половины XIX – начала XX вв. общих тенденциях развития духовного образования и библейских наук в православных духовных академиях Российской империи в целом, а также КДА в частности. Поэтому при необходимости предлагаем обратиться по крайней мере к некоторым классическим базовым обзорам², а также к главным современным источникам по названным вопросам³.

¹ See: Sergiy Golovashchenko, “Biblical Studies at the Kyiv Theological Academy (19th — early 20th Centuries): The Results and Prospects of the Research,” *Kyiv-Mohyla Humanities Journal* 2 (2015): 11–30. Accessed 05 October, 2015, doi:10.18523/KMHJ51019.2015-2.11–30.

² See: F. Eleonskii, “Otechestvennyie Trudy po izucheniiu Biblii v XIX veke,” [Domestic Works on Biblical Study in 19th ct.] *Khristianskoie Chteniie*, vol. I (1901), 5–28, 633–660; vol. I (1902), 39–64, 504–524; vol. II (1902), 107–125; N. Glubokovskii, *Russkaia bogoslovskaiia nauka v ee istoricheskom razvitii i noveishem sostoianii* [Russian Theological Science in its Historical Development and Newest State] (M.: Sviato-Vladimirskoe Bratstvo, 2002); G. Florovskii, archpriest. *Puti russkogo bogosloviya* [The Path of Russian Theology] (M.: Institut russkoy civilizatsii, 2009); F. Titov, archpriest, *Imperatorskaia Kievskaiia Duhovnaia Akademiia v ee trekhvekovoi zhizni i deiatel'nosti (1615–1915 gg.): Istoricheskaia zapiska* [Imperial Kiev Theological Academy in its three-century Life and Activity (1615 – 1619): Historical Note] (K.: Hopak, 2003).

³ See: N. Sukhova, *Vysshaia dukhovnaia shkola. Problemy i reformy. Vtoraia polovina XIX v.* [Higher Theological School. Problems and Reforms. The Second Half of the 19th ct.] (M.: PSTGU, 2006); S. Kuz'mina, *Filosofia osvity i vykhovannia u kyiv's'kii akademichnii tradytsii XIX – pochatku XX st.: Monografia* [Philosophy of Education in Kyiv Academic Tradition: Monograph] (Simferopol: Orianda, 2010); N. Sukhova, *Russkaia bogoslovskaiia nauka (po doktorskim i masterskim dissertatsiiam 1870–1918 gg.)* [Russian Theological Science (according Doctoral and Master's Theses 1870–1918)] (M.: PSTGU, 2012); S. Golovashchenko, *Doslidzhennia ta vykladannia Biblii v Kyiv's'kii dukhovnii Akademii XIX – pochatku XX st.: Monograph* [Research and Teaching of the Bible in Kiev Theological Academy 19 – early 20 ct.] (K.: Publishing House of Ukrainian Orthodox Church, 2012); S. Golovashchenko, “Uchebnyi protsess i nauchnyi potentsial KDA (XIX – nach. XX v.) Bibleistika,” [Educational Process and Scientific Potential of KThA (19th – early 20th ct.). Biblical Studies], *Pravoslavnaia Entsiklopedia* [Orthodox Encyclopedia], vol. 33 (2013), 110–116. S. Golovashchenko, “Bibliyevnavstvo v Kyiv's'kii dukhovnii akademii (XIX – poch. XX st.): stanovlennia i rozvytok,” [Biblical Studies in Kyiv Theological Academy (19 – early 20 ct.; formation and development)] (Doctor of Science degree Thesis, Kyiv Dragomanova Pedagogical University, 2015); M. Tkachuk, “Kyiv's'ka dukhovna academia (1819–1924): storinkamy istorii,” [Kyiv Theological Academy: Pages of History], *Kyiv's'ka Duhovna academia v imenakh: 1819–1924: Encyklopedia: v 2 t.* [Kyiv Theological Academy in the Names: 1819–1924 : Encyclopedia, 2 vols.] (K.: Kyievo-Mohyl'ians'ka academia), vol. 1 (2015), 9–55.

Подчеркнем, что речь сейчас идет о Киевской духовной академии лишь как о некотором феномене, состоявшемся изучение которого уже на данном этапе дает возможность накопить сведения о вековом взаимодействии и взаимовлиянии православной и протестантской традиций освоения Библии. Конечно же, такой опыт КДА заслуживает сопоставления в целом с духовно-академической культурой Российской империи указанного периода. Мы учитываем возможность такого сопоставления в будущем — по мере накопления и систематизации научных знаний в этой области.

Реформация и становление православной библейской книжности

К истории прочтения и усвоения Библии православными еще со времен Киевской Руси первым в КДА обратился известный библеист профессор С. М. Сольский (1834(35) — 1900). Он рассмотрел этот процесс в широком европейском контексте и в то же время детально обозначил специфику отечественного культурного и общественного развития. Без преувеличения, проф. Сольский фактически заложил фундамент научной истории библейских исследований в Украине. Для нас интересны его оценки реформационного и шире, западного влияния на становление библейского сознания наших предков.

По мнению Сольского, широкое общественное применение Библии еще со времен христианизации Руси становилось признаком вхождения в глобальную общность цивилизованных народов. Христианское мировоззрение в значительной мере формировалось посредством усвоения библейской картины мира, библейских культурно-символических кодов, моральных и правовых норм, определявших житейское поведение наших предков. Библия рассматривалась в качестве общеевропейского наследия. Её восприятие в древнерусскую эпоху сопровождалась активными контактами с европейской культурой, в частности, с традициями переводов Библии на европейские языки⁴.

Своеобразная судьба украинских и белорусских земель, которые уже на конец XV — начало XVI вв. оказались в составе Великого княжества Литовского и впоследствии Речи Посполитой, определило, по выражению проф. Сольского, включение жизни наших предков в “общее движение жизни западных народов”⁵. Речь, в частности, шла о приобщении к европейской образовательной системе, об активизации контактов с западнославянскими землями, знакомство как с тамошними религиозно-политическими процессами, так и с тамошними культурными достижениями (например, с книгопечатанием). Из исторической панорамы, очерченной Сольским, видно, что определяющее влияние на модернизацию православной библейской литературы оказала Реформация, прежде всего, опыт

⁴ S. Solskii, “Upotreblenie i izuchenie Biblii v Rossii ot kreshchenia Rusi i do XV v.” [Use and Study of the Bible in Russia from Baptism of Rus to XV ct.], *Pravoslavnoe Obozrenie*, vol. 27, no. 10 (1868), 146–147, 153–154.

⁵ S. Solskii, “Obozrenie trudov po izucheniyu Biblii v Rissii s XV veka do nastoyashchego vremeni,” [Review of the Works on the Study of the Bible from XV ct. to the Present Day], *Pravoslavnoe Obozrenie*, vol. 1, no. 2 (1869), 212.

библейских переводов на национальные языки. Немецкая и чешская (гуситская) реформационная библейская книжность повлияла на появление «Библии Руской» Франциска Скорины (Прага, 1517-19 – Вильно, 1525 гг.). Собственно на украинских землях появились вдохновленные таким опытом выдающиеся произведения: Пересопницкое Евангелие, писанное приближенным к народному языком и, наконец, отечественная первопечатная Библия – Острожская. Проф. Сольский, анализируя процесс появления Острожской Библии, отмечал стремление её издателей установить преемственность с киево-русским христианством. Так, за основу издания был взят один из экземпляров славянской Геннадиевской Библии, однако относились к нему, как к кирилло-мефодиевскому переводу с Септуагинты, унаследованному еще со времен князя Владимира. Однако, согласно велениям времени, издатели использовали элементы европейских печатных Библий. Новый исправленный текст также сверялся не только с наличными церковнославянскими версиями, но также и с западнославянскими реформационными переводами, в частности, чешскими⁶.

В Острожском издании получили яркое выражение рожденные Реформацией актуальные в конце XVI ст. мотивы западной библейской культуры. Это и новые возможности распространения Библии, открытые книгопечатанием и постановкой книготоргового дела, и взгляд на Библию не только как на предмет церковной богослужебной утвари, но и как на “народное достояние”, и ростки критического взгляда согласно критериям науки⁷. Эти общеевропейские мотивы соединились с местными нуждами: потребностью удовлетворить “религиозную пылливость”, нуждой в средствах “напутствия в благочестии”, необходимостью обрести новые инструменты религиозной полемики с иноверцами⁸. Оценки проф. Сольского позволяют нам сделать вывод, что Острожская Библия стала знаком и средством трансформации отечественной православной культуры в условиях постреформационного межкультурного и межконфессионального взаимодействия европейских народов.

Протестантизм и киево-могилянская библейская культура

Необычайно важным стало также укоренение в православной академической культуре возможности восприятия Писания с филологической, литературной, исторической стороны и, соответственно, прочтения его через призму т.н. “высокой критики” – и на основе качественно расширившегося круга первоисточников. Происходил этот процесс еще с XVIII в., в киево-могилянскую эпоху, во времена т.н. “старой Киевской академии”⁹.

⁶ Solskii, “Obozrenie trudov po izucheniyu Biblii v Rissii s XV veka do nastoyashchego vremeni,” 212–220.

⁷ S. Solskii, “Ostrozhskaya Bibliya v sviazi s tseliami i vidami ee izdatelia,” [The Ostrog Bible in Connection with Goals and Types of Its Publisher], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 7 (1884), 296–297.

⁸ Solskii, “Ostrozhskaya Bibliya v sviazi s tseliami i vidami ee izdatelia,” 303–304, 307.

⁹ Имелась в виду Киевская (Могилянская) коллегия, впоследствии академия, основанная еще в XVII в.; деятели реформированной в 1817-1819 гг. Киевской духовной академии таким словоупотреблением подчеркивали преемственность с предыдущей духовной и интеллектуальной традицией.

Как нам представляется, сначала отмеченная возможность выявилась в виде западного заимствования. Институционально это связывалось с церковными “синодальными” реформами “Петровской эпохи”, а персонально – с усилиями главного тогдашнего реформатора, епископа, а впоследствии архиепископа Феофана Прокоповича. Довольно распространено высказанное в свое время известным православным богословом прот. Георгием Флоровским мнение о том, Феофан в своих действиях исходил из неких “реформационных принципов”¹⁰, что уже предполагает наличие протестантского влияния на его церковно-политические и богословско-педагогические (в т.ч. библиологические) установки. Не отвлекаясь на дискуссию по этому поводу, отметим, как более интересный и действительно связанный с протестантским влиянием, вклад протестанта Феофана Прокоповича – киево-могилянского преподавателя Симона Тодорского, будущего архиепископа. Сюжет, связанный с Тодорским, стал в конце XIX в. предметом рассмотрения в одной из написанных в КДА кандидатских диссертаций¹¹; эти материалы были введены в научный оборот лишь в начале 2000-х гг.

Из них узнаем, что Симон Тодорский, выучившись в одном из пиетистских университетов Германии (скорее всего, в Галле), с 1730-х гг. внедрил в Киевской академии новую традицию изучения греческого и еврейского языков и, соответственно, прочтения и освоения Библии. Он стал зачинателем тут гебраистики и филологических исследований Библии, основанных на определенной новизне. Эта новизна была связана с особенной, именно протестантского происхождения, заинтересованностью в изучении древнееврейского языка как языка Писания. Интерес этот, в свою очередь, был порожден принятием протестантами масоретского текста в качестве единственного источника ветхозаветного текста для перевода и главного – для толкования¹².

Из этого позволим себе сделать следующий вывод: в православной библиологии была инициирована своего рода “культурная революция”: принятие древнееврейского масоретского текста как одного из полноправных источников собственной традиции. Сопоставление церковнославянского библейского текста уже не только с греческим LXX, но и с масоретским обусловило потребность ставить и решать вопросы уже не только текстологические. Проблемы филологические, литературоведческие, даже историко-культурные – именно из-за отличий LXX и масоретской традиции – оказались со второй половины XVIII в. актуальными для православных и с догматической точки зрения. Так фактически зарождалась православная “библистика” как «критический» аспект традиционной “библиологии” (именно со стороны употребления “высокой критики”).

Начавшаяся именно в Киеве, отмеченная “культурная революция” с её ориентацией на “высокую критику” Библии и сравнительную текстологию греческого

¹⁰ Florovskii, *Puti russkogo bogosloviya*, 119–121.

¹¹ V. Shchukin, “Simon Todorskiĭ, ego znachenie v istorii nauki staroi kievskoi akademii” [Simon Todorskiĭ, its significance in the History of Science of the Old Kiev Academy. Thesis, Kiev Theological Academy, 1895], (K.: Institute of Manuscripts of Vernadskii National Library of Ukraine, Document code 1418).

¹² See: V. Nychyk, *Symon Todors'kyi i gebrayistyka v Kyievo-Mohylians'kii Akademii* [Simon Todorskiĭ and Hebrew Studies in Kyiv-Mohyla Academy] (K.: KM Academia, 2002).

и еврейского текста повлияла в XVIII в. на дискуссии, конфликты, и, наконец, на “конструктивную” часть создания православного церковнославянского *textus hesertus* — Петровско-Елизаветинской Библии. Ведущими же “действующими лицами и исполнителями” этого «конструктивного акта» были именно воспитанники киевской “школы Симона Тодорского”: монахи Варлаам Ляшевский, Яков Блонницкий, Гедеон Сломинский (Слонимский); специально отметим эти свидетельства из анализированного выше очерка проф. С. Сольского¹³.

“Материальную”, так сказать, основу данного качественного переворота в православном библиологическом сознании можем отследить благодаря одному из известнейших историков Киевской академии, профессору Николаю Петрову (1840–1921). В одном из томов его знаменитого собрания документов содержится составленный ок. 1792 г. *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae Kiioviensis* — довольно обширное описание академического книжного собрания конца XVIII в., где издания Библии и разнообразной вспомогательной литературы занимали значительное место¹⁴. Анализ этого описания¹⁵ свидетельствует о мощном реформационном и пост-реформационном протестантском (в частности, пиетистском) интеллектуальном влиянии.

Библиотека Киевской академии конца XVIII в. содержала издания Библии (на древнееврейском и на новоевропейских языках) и библейские комментарии, созданные многочисленными протестантскими авторами. Среди них были и классики реформационной мысли — такие, как Мартин Лютер, Жан Кальвин, Теодор де Без, Гуго Гроций, Иоганн Эколампаций (Гейсгенн), и более поздние протестантские теологи: Авраам Калов, Иоганн Август Эрнести, Мартин Гейер, Иоганн Георг Притс, Вольфганг Франц, Соломон Глассий, Иоганн-Генрих Михаелис, Иоахим Ланге, Август-Герман Франке, Франц Буддей, Эгидий Гунний, Иоганн-Якоб Рамбах, Иоганн Хюбнер. С одной стороны, наличие такой литературы (наряду, кстати, с произведениями европейских католических авторов) еще может свидетельствовать всего лишь о тогдашней общей открытости киевского православного общества к европейской библейско-богословской культуре. Но вот уже достаточно большой набор библиологических источников специального назначения, да еще написанных представителями пиетистского направления, изданных в университетских центрах пиетизма, говорит в пользу действенных интеллектуальных контактов с немецкой библейской наукой, сложившихся как раз в русле киевской “школы Симона Тодорского”.

¹³ S. Solskii, “Obzorenne trudov po izucheniyu Biblii v Rissii s XV veka do nastoyashchego vremeni” [Review of the Works on the Study of the Bible from XV ct. to the Present Day], *Pravoslavnoe Obzorenne*, vol. 1, no. 4 (1869), 554–557, 562–563, 577; no. 6 (1869), 803.

¹⁴ N. Petrov, ed. *Akty i dokumenty, otnosiashchiesia k istorii Kievskoi Akademii* [Acts and Documents relating to the History of Kiev Academy], Section II, Vol. 5 (K., 1908) № LXXVII, 300–470.

¹⁵ S. Golovashchenko, “Biblia i bibliologicheskaya literature v Kievo-Mohilianskoi akademii konca XVIII – nachala XIX v.: teksty, zhanry, tradicii (iz opytov rekonstrukcii dukhovno-intellektual'nogo nasledia KDA),” [The Bible and Bibliological Literature in Kiev-Mohila Academy in 18 – early 19 ct.: the texts, genres, traditions (from attempts to reconstruct the heritage of KThA)], *Trudy Kyivs'koyi Dukhovnoi Akademii*, no. 15 (2011), 23–40.

Так, издание Библии на древнееврейском языке Иоганна Генриха Михаэлиса (Галле, 1720); библейские комментарии и лекции Августа Германа Франке (Галле—Магдебург, 1709, 1724); “историко-богословская исагогика” Франца Буддея (Лейпциг, 1730), были применимы для исагогическо-экзегетических упражнений. Однако они дополнялись вспомогательными средствами лексико-грамматической, лингвистической и литературоведческой работы, как раз и позволявшими прочитывать Библию: а) с обязательным учетом древнееврейского текста как одного из оригинальных; б) через призму “высокой критики”. Это были издания, помогавшие в овладении правилами чтения древнееврейских и арамейских текстов Библии и в работе с оригинальной библейской лексикой: “халдейский, талмудический и раввинистический лексикон” Иоганна Буксдорфа (Базель, 1639); сочинение о «еврейских ударениях» Фридриха Гирта (Иена, 1752); диссертация Иоганна-Генриха Михаэлиса о древнееврейских некудот (Галле, 1739); «ключ к еврейскому чтению» Иоахима Ланге (Галле, 1735). А древнееврейская грамматика того же Й.-Г. Михаэлиса (Братислава, 1748), очевидно, была доступна для активного пользования в обучении (в академической библиотеке насчитывалось 17 её экземпляров). Основание для лингвистического и литературного освоения Библии способны были создавать также: “Ключ к священному языку Нового Завета” (Иена, 1730, 1740) и “Ключ к священному языку Ветхого Завета” (Иена, 1735, 1739, 1744) Кристиана Стокка; словарь древней библейской лексики (1727) и словарь библейской ономастики (1721) Адама Эрдмана-Мири, изданные в Лейпциге; ономастикон Ветхого Завета Иоганна Симона (Галле, 1741)¹⁶.

Данный потенциал создавал предпосылки для становления мощной традиции преподавания древнееврейского языка как языка Библии в Киевской (Могилянской) академии и позднее в Киевской духовной академии¹⁷ а также — библейско-переводческой практики. Поэтому вовсе не случайно проблематика отмеченной выше “культурной революции” в православной библиологии зазвучала по-новому актуально и в XIX в., в связи с попытками “обретения” еще одного локального православного *textus receptus* — русской Библии. Дискуссии и конфликты, сопровождавшие эти попытки (от опытов Российского Библейского общества до создания Синодального перевода), были основаны, кроме прочего, и на сопоставлении LXX с “масорой”, а также на определении границ применения текстуальной, филологической, литературной, исторической критики ради сохранения “подлинности” и “неповрежденности” текста и смысла Писания. Но важнее всего — и это будет продемонстрировано на примере следующих сюжетов — осмысление киевскими православными интеллектуалами новых возможностей социально-культурного “бытия” библейского текста и применения соответствующего западного опыта.

¹⁶ Golovashchenko, “Biblia i bibliologicheskaya literatura v Kievo-Mohilianskoj akademii konca XVIII – nachala XIX v.,” 26–27, 30–34, 38.

¹⁷ S. Golovashchenko, “Drevneevrejskij jazyk v KDA kak jazyk Biblii: konfessional’nye i ideologicheskie obstoiatel’sтва izucheniya i преподаvaniya,” [Hebrew in KThA as a Language of the Bible: the confessional and ideological circumstances of study and teaching], <http://www.jcrelations.net/3424.0.html?L=7>

Библия и общественное развитие: обращение к опыту протестантизма

Обращение проф. С. Сольского к историческому опыту культурной имплементации Библии в широком европейском контексте¹⁸, не случайно происходило в середине 1860-х гг. Как известно, в период правления императора Александра II осуществлялась очередная попытка европейской модернизации Российской империи. Эта попытка, совершавшаяся, как и всегда, «сверху», по инициативе властной верхушки, потребовала апелляций к прежнему опыту. Потому внимание, уделенное С. Сольским попыткам массового распространения Библии в прошлом, перекликалось с надеждами на новые возможности.

Отсюда и внимание Сольского к идеям и намерениям эпохи императора Александра I – в частности, к опыту создания общедоступного русского перевода Библии. Позволим себе предположить, что учреждение в начале XIX в. в православном государстве сугубо, казалось бы, протестантского института – Библейского общества – тоже ведь стало попыткой культурной и частично политической модернизации по западноевропейскому образцу. Совершенно естественно, по мнению теперь уже проф. Сольского, в центре такой модернизации стояла Библия: “когда западные народы укрепились в христианском религиозном сознании, когда со времен Реформации они обогатились национальными переводами библейских книг, сделанными с оригинальных текстов, они под этим добрым влиянием создали целую культуру”¹⁹. Устройством специального учреждения по всенародному распространению Библии Российская империя “приобщалась к семье западных народов”²⁰. Общедоступная Библия, переведенная на многие языки империи, систематически изучаемая в реформированных духовно-учебных заведениях страны, должна была стать средством “просвещения инородцев”, “духовным союзом”, который бы “скреплял наиболее удаленные части государства”, фактором “самостоятельного морально-религиозного развития”²¹.

А в 1860-х набирала обороты подготовка русского Синодального перевода, посредством которого Библия, как и во времена Российского библейского общества, мыслилась средством общественной интеграции, построения общегражданской идеологии, системы просвещения, образования и воспитания. По мысли проф. Сольского, общедоступный текст Священного Писания должен была стать основой такого религиозного просвещения, которое учило бы “почитать церковь Божию, Царя-самодержца, почитать родителей, покоряться

¹⁸ See: S. Golovashchenko, “Istoriya vitchyznaniï pravoslavnoi recepcii Biblii u tvorakh prof. Stefana Sols'koho: vidnaidennia vlasnoho miscia v Ievropeï's'komu konteksti,” [History of domestic Orthodox reception of the Bible in the works of prof. Stephen Sol'skii: finding of own place in European Context], *Pravoslav'ia v Ukraïni. Zbirnyk*. (K., 2017), part 2, 60-67.

¹⁹ S. Sol'skii, “Ob uchastii imperatora Aleksandra I v izdanii Biblii na rusском yazyke,” [On the Participation of the Emperor Alexander I in the Publication of the Bible in Russian], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 1 (1878), 172-173.

²⁰ Sol'skii, “Ob uchastii imperatora Aleksandra I v izdanii Biblii na rusском yazyke,” 174.

²¹ *Ibid.*, 185, 190.

начальству”²²; такой результат был бы совершенным воплощением общественной модели, давно реализованной на Западе²³. Позиция проф. Сольского нашла созвучное подтверждение у ряда его коллег. Так, богослов и историк Александр Воронов (1839 – 1883) отмечал важность привлечения европейского опыта распространения библейских знаний ради преодоления “общественного отчуждения от церкви”²⁴.

Уместным будет допустить, что инкультурация Библии по западному образцу объективно определяла возможность внедрения в Российской империи западных форм религиозной и общественно-политической культуры, сложившихся в мире под влиянием библейских норм и принципов. Невозможно также отрицать, что в подавляющем большинстве случаев должна была идти речь об обращении к опыту протестантских государств. Потому предельно важным стал взгляд киевских исследователей-академистов на европейские образцы использования Библии.

Так, Владимир Рыбинский (1867 – 1944) выяснил, особенно на примере немецких государств XVIII – XIX ст., что вопрос о библейском образовании именно на школьном уровне приобрел там общегражданское значение и рассматривался властями как стратегический для воспитания граждан. Считалось, что Библия как источник знаний способна была объединять семью и школу в их совместном воспитательном влиянии на подрастающее поколение²⁵. Важным аспектом протестантского опыта, отмеченным киевскими исследователями, был акцент именно на общественно-практической стороне библейской подготовки будущих богословов и пасторов – именно как воспитателей народного гражданского и морального сознания. Богослов и педагог Никола Маккавейский (1864 – 1919), анализируя иностранный протестантский опыт, отмечал, что применение Библии в пасторской профессиональной работе не должно было ограничиваться церковными стенами, но осуществляться также и в публичной сфере – в «народной школе», и в частном, домашнем обучении и воспитании. Пасторы выступали, таким образом, своеобразными медиаторами в процессе широкого общественного освоения Библии, а общественное библейское служение становится важнейшим фактором укрепления их вероучительной позиции и богословских убеждений. Обеспечивается “не только повторение университетских знаний, но и дальнейшее их развитие... воспитание самостоятельности и твердых религиозных убеждений... проповедь, катехизация, урок Библии служат целям чисто практического приготовления”. Такой опыт контрастировал с привычками православного религиозного образования и воспитания, где господствовала “леность” и “неучительность”. Признавалось, что именно “протестантские богословы стремятся отвечать на великие запросы,

²² S. Solskii, “Tserkovno-prikhodskaia shkola,” [Church Parochial School], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 9 (1886), 154–155.

²³ Solskii, “Tserkovno-prikhodskaia shkola,” 160.

²⁴ A. Voronov, “Zametki iz tserkovnoy zhizni Zapada (otritsatel’nye napravleniia v sovremennom khristianstve),” [Notes from the Church Life of the West (the negative trends in modern Christianity)] *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 6 (1866), 252.

²⁵ V.P. Rybinskii, “Biblia dlia detei,” [The Bible for Children], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no.1 (1897), 3–5.

которые нынешнее время ставит перед пастырями”²⁶, Н. Маккавейский подчеркивал пользу европейского (зачастую именно протестантского) опыта максимального распространения в народе просвещения, основанного на Библии, для воспитания общегражданских добродетелей “религиозности” и “народности”²⁷.

Известным исследователем западноевропейской церковной жизни, проф. Афанасием Булгаковым (1859 – 1907) было отмечено, что в истории пост-реформационной Европы, также преимущественно в протестантских странах, Библия играла роль своеобразной “теократической конституции” – базиса для всей системы общественно-политических, гражданских, моральных соглашений и решений. “Послушание воле Божией на земле должно выражаться в послушании Закону Божьему, как он дан в Откровении человеку в книгах Священного Писания”²⁸. Обращение к Библии как гражданской “конституции” порой играло революционную, гуманизирующую роль, как например, в становлении феномена немецкого гуманизма²⁹. Порой эта роль был противоречивой, например, из-за богословского либерализма, который применял библейские знания (как-то “примеры, взятые из библейской истории”) для формирования в рамках народной школы “всеобщего морального образования”, иногда даже свободного от конфессиональной окраски³⁰.

Поэтому, вне поля зрения киевских исследователей (тут снова приведем пример проф. В. Рыбинского) не остался факт формирования на Западе, наряду с церковной, также и секулярной модели использования Библии для гражданского воспитания. Признавая историческую, культурную и моральную ценность Библии, такое воспитание могло содержать “пропаганду всеобщей вневероисповедной религии”, апелляцию к разуму как “единственному критерию”, а также рационализованные, вполне себе капиталистические формы распространения библейских знаний в массах, опирающиеся на социологические сведения о структуре общества и психологии возрастного восприятия³¹.

Образовательный и культурный секуляризм критиковался православными академистами как чуждое явление, якобы завезенное с Запада “иноземными учителями и воспитателями нашего благородного юношества”; таково было мнение известного богослова и гомилета Василия Певницкого

²⁶ N. Makkaveyskii, “Vopros o prigotovlenii k pastorstvu v sovremennoy protestantskoy Germanii,” [The Question of Preparing for Pastoral Work in Modern Germany], *Trudy Kievskoi Dухovnoï Akademii*, no. 4 (1894), 543–553.

²⁷ N. Makkaveyskii, “Religiia i narodnost’ kak osnova vospitaniya,” [Religion and Nationality as the basis of education], *Trudy Kievskoi Dухovnoï Akademii*, no. 11 (1895), 444–448.

²⁸ Af. Bulgakov, “Ideal obchchestvennoy zhizni po opredeleniyu katolicheskogo, reformatskogo i luteranskogo veroispovedaniy,” [Ideal of Social Life According Catholic, Reformed and Lutheran confessions], *Trudy Kievskoi Dухovnoï Akademii*, no. 9 (1891), 91.

²⁹ Af. Bulgakov, “Chetyriokhsotletie Novoy istorii,” [The Four Centuries of Modern History], *Trudy Kievskoi Dухovnoï Akademii*, no. 9 (1893), 106–107.

³⁰ Af. Bulgakov, “Iz zagranichnoy religioznoy zhizni,” [From Foreign Life], *Trudy Kievskoi Dухovnoï Akademii*, no. 10 (1893), 285–286.

³¹ Rybinskii, “Biblia dlia detei,” 9–10, 14, 18, 21, 23, 29–30.

(1832 – 1911)³². Потому неудивительно, что умеренная “западническая” позиция в этом вопросе уже с 1880-х гг. уступала место реакционной, охранительной. Лейтмотивом такой реакции был призыв к укреплению всего “самобытного”, “почвенного”, поиски “своего пути”, “самостоятельного национального развития, свободного от безусловного преклонения перед западноевропейской жизнью”; академист Николай Дроздов (1849 – 1919) был отнюдь не одинок в такой позиции³³. Западная секулярная модель прочтения Библии критиковалась как такая, что “подрывает исторические основы христианства, отрицает подлинность и достоверность его первоисточников”; и здесь богослов и библиист Димитрий Богдасhevский (1861 – 1933) также выражал господствующее мнение профессорской корпорации³⁴.

Впрочем, поиски “своего пути”, в конце концов, основывавшиеся на общеимперской триаде “православия, самодержавия, народности”, могли быть соединены с попытками заимствовать зарубежный опыт освоения Библии лишь при известных условиях. По нашему мнению, они обретали смысл лишь при условии как можно более четкой артикуляции идеала общественной жизни, который с помощью библейских установлений воплощался бы в различных сферах жизни. Поэтому в начале 1900-х гг., во время известных революционных событий, вовсе не случайно встал вопрос: насколько социально и политически актуальным способен быть библейский идеал? Ответ снова потребовал обращения к опыту протестантской части мировой цивилизации. Изучение мирового опыта убедило киевских православных мыслителей во вреде вульгарного использования Библии в “социальной” риторике. Наиболее явственно в этом вопросе прозвучали голоса профессоров Димитрия Богдасhevского (1861 – 1933), Владимира Рыбинского (1867 – 1944) и свящ. Александра Глаголева (1872 – 1937).

Так, Д. Богдасhevский, не отрицая применимость библейского слова “в государстве, обществе, науке, искусстве”, в то же время предостерегал от попыток “Евангелие обмирщить, или заземлить”, “свести его к простой социологии” и “евангельское совершенство переводить на простые социальные формулы”. Ведь библейская проповедь “не предлагает социальной теории”. Единственно верный знак адекватного усвоения библейского знания, по мнению киевского академика – духовное возрождение и преобразование личности³⁵.

Наиболее же продуктивным путем, по мнению киевских академических исследователей, была проповедь библейского морального идеала, библейских поучений, направленных на достижение гражданского мира, коллективного и

³² V. Pevnitskii, “Ob otnoshenii k Tserkvi nashogo obrazovannogo obshchestva (Publichnoe chtenie),” [On our Educated Society attitude towards the Church (Public Reading)], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 2 (1902), 255–258.

³³ N. Drozdov, “Zaprosy sovremennoi zhizni v otnoshenii k bogoslovskoi nauke,” [The Demands of Modern Life in Relation to Theology], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 10 (1885), 212–215.

³⁴ D. Bogdashevskii, “Sovremennye vragi Kresta Khristova,” [The present enemies of the cross of Christ], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 10 (1908), 275.

³⁵ D. Bogdashevskii, “Evangelie kak osnova zhizni (po povodu sovremennykh social’no-ekonomicheskikh voprosov),” [The Gospel as a Fundament of Life (about current social and political issues)], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 4 (1906), 547–549, 556, 565–568.

персонального благосостояния. И опыт на этом пути масштабно приобретался протестантским миром; на это особенно указывал В. Рыбинский. Апробированный в Европе и Северной Америке, этот путь применения библейского знания для осмысления и разрешения тогдашних общественных вопросов показал, что Библия способна быть “источником культуры и основой благосостояния”, а “все вопросы, связанные с Библией, считаются вопросами всего народа и страны”. Восприятие Библии как фактора творческого культурного и общественного развития в протестантских странах стало возможным в рамках разнообразных социальных форм: привлечения Библии к школьному образованию; использования библейских образов и символов в семейном и приватном бытовом общении, в публичном вещании и политической риторике; творческой интерпретации библейских сюжетов, образов и символов в национальной литературе и искусстве³⁶.

Данный опыт в своей реализации вполне мог бы противостоять главным “антибиблейским” и антирелигиозным тенденциям, волновавшим тогдашних киевских православных мыслителей. Профессора В. Рыбинский и А. Глаголев к таким тенденциям, в частности, относили: религиозный индифферентизм “образованного сословия”; ложное понимание религиозности как “неопределенного чувства”, которое не требует разъяснений; утрату доверия к Библии из-за ее видимого несоответствия т.н. “позитивной науке”; антирелигиозную пропаганду как идейную черту тогдашних социалистических движений. Этот опыт помогал бы решать важные для всего христианского мира образовательные и просветительские задачи. Среди них, прежде всего – адекватная оценка как подлинного своеобразия библейских религиозно-моральных установлений, так и специфики научного знания, его возможностей и границ. Именно на основе такой оценки было возможным воспитывать “разумную религиозность”, соединенную с “критическим мышлением”. А в итоге, реализовать традиционные цели православной церковной апологетики: “поучаться в Законе Господнем день и ночь”, обеспечивая “особенное руководство” Церкви как “наилучшего толкователя смысла и духа Библии”³⁷.

Синодальный перевод Библии: влияние мировой протестантской культуры и значение для евангельского движения в Российской империи

Следующий сюжет в интеллектуальной истории киевской православной духовно-академической традиции связан с осмыслением ряда моментов

³⁶ V. Rybinskii, “O Biblii (Publicnoe Chtenie),” [*On the Bible (Public Readings)*], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 3 (1902), 366–367.

³⁷ A. Glagolev, priest, “Neprekhodiashchee znachenie Vetkhogo Zaveta. Bibliologicheskaia zametka na: Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emil Kautzsch, Tübingen und Leipzig,” [The Lasting Importance of the Old Testament. Bibliological Article on: Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emil Kautzsch, Tübingen und Leipzig], *Trudy Kievskoy Dukhovnoy Akademii*, no. 11 (1902), 492–493; A. Glagolev, priest., “Vetkhii Zavet i yego neprekhodiashchee znachenie v khristianskoi Tserkvi,” [The Old Testament and Its Lasting Importance for the Christian Church], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1909), 550; V. Rybinskii, *O Biblii*, 373–376, 379, 382.

появления и дальнейшего бытования Синодального перевода Библии. Будучи, прежде всего, православным церковным делом, данное событие известным образом оказалось под воздействием мировой протестантской культуры. В свою очередь, появление общедоступной русской Библии весьма своеобразно повлияло на развитие протестантского “евангельского” движения и внутри самой Российской империи (а украинские земли были немало причастны к этому)³⁸.

Став продолжением прерванных в свое время усилий Российского Библейского общества, Синодальный перевод Библии, по выражению историка-современника, создавался как “памятник церковный” и одновременно “народный”. Он должен был компенсировать «темноту и неуверенность» многих мест славянского текста, которые, в свою очередь, вызывали массовое обращение мирян к иностранным переводам, как к “мутным водам, чтобы хоть как то утолить свою жажду”. Однако оказалось, что и сам Синодальный перевод в итоге потребовал пояснений: “эта система перевода ... является довольно неопределенной... Смешение ... двух текстов с предпочтением в одном случае еврейского, в другом греческого было и навсегда останется делом произвола переводчиков... Некоторые герменевтические правила... не оказывают помощи и не ограничивают произвола во всем бесконечном разнообразии различий между еврейским и греческим текстами”³⁹.

Подобные оценки, как нам представляется, касались текстологических и переводческих предпочтений, распространенных среди профессуры российских духовных академий, которая и занималась переводом. А они в значительной мере были заимствованы из европейской библеистики – прежде всего из протестантской среды. Однако нам, кроме фиксации факта влияния протестантских библейско-переводческих правил на многих православных профессоров, важно подчеркнуть преимущество традиции учета масоретского текста как оригинального текста Библии. Эта традиция, как было уже сказано, в Киевской академии зародилась еще в XVIII в. Это, в свою очередь, определило достаточно интенсивное участие гебраистов КДА в подготовке переводов многих книг Ветхого Завета на русский язык именно с древнееврейского оригинала. Отметим, прежде всего, библейско-переводческие опыты профессоров Ивана Максимовича (1807 – 1861), Михаила Гуляева (1826 – 1866), Акима Олесницкого (1842 – 1907)⁴⁰.

В таких условиях, уже после выхода в свет Синодального перевода, Святейший Синод и поставил перед православными духовными академиями задачу подготовиться к составлению “объяснительных примечаний” к новому русскому тексту Библии. В Киевской духовной академии эту задачу выполнил

³⁸ See: S. Golovashchenko, ed. *Istoria evangel'sko-baptistskogo dvizhenia v Ukraine. Materialy I dokumenty* [The History of Evangelical-Baptist Movement in Ukraine. Materials and Documents] (Odessa: Bogomyслиe, 1998).

³⁹ I. Chistovich, *Istoriya perevoda Biblii na russkii yazyk* [History of Translation of the Bible into Russian] (St. Petersburg, 1899), 334, 339–340.

⁴⁰ S. Golovashchenko, *Doslidzhennia ta vykladannia Biblii v Kyivs'kii dukhovnii Akademii XIX – pochatku XX st.: Monograph* [Research and Teaching of the Bible in Kiev Theological Academy 19 – early 20 ct.] (K.: Publishing House of Ukrainian Orthodox Church, 2012), 181–182.

профессор Аким Олесницкий⁴¹. Отсылая читателей к проведенному ранее анализу этого документа⁴², здесь отметим лишь, что Олесницкий рекомендовал, избегая противоречий в системе примечаний, “применяться к одному из существующих комментариев, указанных Св. Синодом для руководства при изучении Св. Писания, лучше всего к классическому комментарию Кейля и Делича”. Тут, очевидно, шла речь о многотомном комментарии к Ветхому Завету⁴³, который, представляя протестантскую консервативную богословскую позицию, был одобрен Синодом для преподавания Священного Писания в православных духовных академиях.

Наконец, довольно неожиданной проблемой для официальной церкви, связанной с появлением Синодального перевода Библии, стало то, что он фактически стал государственным подарком для зарождающегося в среде народных масс империи протестантского “евангельского” движения. Многочисленные группы верующих, апеллировали теперь к общепонятному библейскому тексту с возрастающим энтузиазмом. И неясно, предугадывался ли такой результат инициаторами и создателями перевода. Но ясно было, что после появления общедоступного библейского текста проблема популяризации Священного писания, в т.ч. использование его в православной миссионерской работе, требует нового уровня осмысления и практического осуществления.

Популяризация Библии и библейская миссия: протестантский опыт глазами православных

Взгляд профессуры Киевской духовной академии второй половины XIX — начала XX ст. на Библию не только с точки зрения академической, но и популярной в немалой степени определялся влиянием протестантской религиозной культуры. Тогдашнее идейное противостояние “инославным” (преимущественно протестантским) влияниям (когда полемика вокруг Библии стала одним из краеугольных камней) побуждали академическую профессуру учитывать степень готовности своих воспитанников к решению практических задач православного церковного служения, руководства и миссии. Да и повседневные усилия по идейной защите и популяризации православного вероучения, морали и литургической жизни (в т.ч. основанной на Священном Писании) требовали совершенного приспособления полученных в ходе учебы и исследовательской работы теологических знаний к особенностям народного мировосприятия, массовой, обыденной

⁴¹ “Pravila dlya rukovodstva pri predpolagaemom sostavlenii v Kievskoi dukhovnoi Akademii obiasnitel'nykh primechanii k russkomu tekstu Biblii (uchitel'nykh knig), sostavlennye, po porucheniyu Soveta Akademii, extraordinarnym professorom Ak. Olesnitskim,” [Guidelines for Proposed Composition of Explanatory Notes to Russian Bible Text, drawn up, on behalf of Academy Council by extraordinary professor Ak. Olesnitskii], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, vol. III (1877), Attachment, 231–237.

⁴² S. Golovashchenko, “Predystoria russkoi Tolkovoi Biblii v Kievskoi Dukhovnoi akademii («Pravila dlia rukovodstva pri sostavlenii obiasnitel'nykh primechanii k russkomu tekstu Biblii» A. A. Olesnitskogo),” [Prehistory of Russian Commented Bible in Kiev Theological Academy (“Guidelines for Composition of Explanatory Notes to Russian Bible Text by A. Olesnitskii)], *Trudy Kyivs'koi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (2010), 79–91.

⁴³ C.F. Keil und F. Delitzsch *Biblischer Kommentar über das Alte Testament*. Theile I–V. Leipzig, 1861–75.

религиозности, к уровню образованности рядового верующего. Это и приводило к постоянным поискам путей популярной адаптации библейских знаний.

Важную роль в разработке проблемы популярного изложения знаний о Библии сыграл уже упомянутый профессор В. Рыбинский, обобщивший соответствующие поиски в европейской религиозной культуре конца XIX в. Показательными для Рыбинского стали примеры протестантских немецких земель-государств, где крепкая традиция народного почитания Библии, соединялась с образцовым развитием библейской науки, а также опыт преимущественно протестантских США, где влияние Библии было повсеместным и имело общегражданский смысл⁴⁴.

Анализируя историю вопроса о популярной “школьной”, или “детской” Библии в Германии, В. Рыбинский исходил из культурно-мировоззренческого состояния общества, где западное христианство, особенно протестантское, было распространено и в консервативных, и в либеральных формах⁴⁵. Соответственно, вопросы дидактики изложения знаний о Библии Рыбинский поднимал, учитывая особенности массового, в том числе детского восприятия. Как отмечал киевский исследователь, любая адаптация библейского текста осуществляется как из педагогических соображений, так и под влиянием “общих богословских взглядов времени”⁴⁶. Как известно, именно широкая свобода в прочтении и понимании Библии, открытая Реформацией и никогда не исчезающая именно в протестантской части тогдашнего мира, определила многие сложности в этом отношении.

Особенно В. Рыбинский выделил возникшее из недр либерально-протестантского богословия влияние натуралистической и антропоцентрической идеи “вневеросповідной религии”⁴⁷, когда главным критерием считался человеческий разум в его стремлении к обогащению естественнонаучными сведениями. Эта мировоззренческая доминанта привела к “слишком свободному”, а порой и “легкомысленному” обращению с Библией и, в конце концов, к появлению “таких изменений и изъятий... когда нельзя уже узнать Библию, принятую церковь”⁴⁸. Поддерживая необходимость “выработки ясных и определенных принципов для сокращения и обработки текста”, В. Рыбинский признает конструктивными лишь такие мотивы, цель которых – воспитать в читателях “благоговение и любовь к полной Библии”. Одновременно важным он признавал “принимать во внимание умственную и моральную зрелость приступающих к обучению”⁴⁹.

Кроме поисков наиболее оптимальной формы подачи библейского текста для популярного, особенно детского обучения, В. Рыбинский позитивно отмечает новейшие на то время европейские тенденции введения в учебный процесс т. наз. «вспомогательных средств» изучения Библии: кратких введений к каждой библейской книге или группе книг; хронологических таблиц библейских событий; общие исторические очерки древней истории в связи с историей библейской;

⁴⁴ Rybinskii, “O Biblii (Publichnoe Chtenie),” 367.

⁴⁵ Rybinskii, “Biblia dlia detei,” 3, 6, 8, 9–14.

⁴⁶ Ibid., 7–8, 9–10.

⁴⁷ Ibid., 9.

⁴⁸ Ibid., 13–14.

⁴⁹ Ibid., 21, 28, 30–31.

карты территорий, где разворачивались библейские события; глоссарии и лексиконы с пояснениями малоизвестных предметов, слов и выражений из библейского текста. Анализируя образцовые на то время примеры зарубежных школьных или популярных Библий (например, швейцарской Гларнской 1887 г. и Бременской “школьной” 1894 г.), В. Рыбинский отмечал пользу таких вспомогательных средств, поданных в виде приложений к адаптированному библейскому тексту (прежде всего, хронологий библейских событий, рисунков упомянутых в Библии предметов с пояснениями, карт Святой Земли)⁵⁰.

В то же время Рыбинский дистанцировался от тех западных результатов популяризации Библии на либерально-богословской основе, которые могли бы открыть путь к массовому читателю для выводов рационалистической “негативной” критики⁵¹. Это становится более понятным ввиду реакции Рыбинского на отечественные духовные и интеллектуальные обстоятельства, в которых на конец XIX – начало XX в. воспринималась Библия – и массовым сознанием, и образованными слоями. Рыбинский сожалел, что в сравнении с протестантским миром (Европой или Америкой), “Библия не нашла еще такого широкого распространения в употреблении – ни в семье, ни в школе”. Очевидно, что именно опыт протестантской традиции массового освоения Библии был наиболее актуален для решения данной проблемы.

Противоречивость восприятия этого опыта в православной стране усугублялась идейным противостоянием с «домашними» протестантскими движениями, набравшими силу, в том числе и с использованием мощнейшего средства – нового русского перевода Библии. Ибо в целом сочувственное отношение В. Рыбинского и многих его коллег к мировому и европейскому опыту протестантского освоения Библии применительно к внутренним делам значительно корректировалось апологетической позицией киевских академистов, продиктованной целями и задачами Киевской духовной академии как проводника официальной религиозной идеологии⁵². Симпатии были скорее теоретическими и проявлялись прежде всего в поиске на Западе идейных союзников в борьбе с “негативной” рационалистической критикой Библии (о чем еще скажем далее). Однако это вполне сочеталось с официальной позицией по отношению к “раскольникам” и “сектантам” отечественного происхождения, с отсутствием сомнений в необходимости противодействия их распространению.

Поэтому весьма своеобразным результатом соприкосновения православной и протестантской практик обращения к Священному Писанию стала никогда не прекращавшаяся дискуссия о подходах, принципах и методах применения Библии к межконфессиональной полемике и “антисектантской” миссионерской деятельности. Один из эпизодов этой дискуссии также связан с именем профессора

⁵⁰ Ibid., 18–20.

⁵¹ Ibid., 32.

⁵² See: S. Golovashchenko, “Bibliia iak predmet populiarnoho vyvchennia: kyivs’ka viziia kintsia XIX – pochatku XX st.,” [The Bible as a Subject of Popular Study: Kyiv Vision of the late 19th – early 20th ct.], *Kyiv’ska Akademiia*, no. 8 (2010), 49.

В. Рыбинского⁵³. Этот эпизод важен для понимания принципов применения библейского материала к миссионерской работе именно в условиях тогдашней религиозной ситуации и соответствующей позиции КДА.

Ведь разнообразное “сектантство”, возникавшее в Российской империи на восточнохристианской духовной и восточнославянской этнокультурной почве, питалось чаще всего именно европейскими протестантскими влияниями “новой волны” XVIII–XIX ст. Стремление к персонализированной, сердечной, неформальной религиозности, возвышенное и распропагандированное пиетизмом и реализованное в практике различных религиозных «диссидентов» лютеранского и реформатского происхождения, меннонитов, баптистов, евангельских христиан, как и в пору классической Реформации, основывалось на *Sola Scriptura*. Но обращение к Писанию происходило не только в рационально-теологической форме. Часто имело место стихийное, зато искреннее восприятие лично прочитанного (либо услышанного в пересказе) и вдохновенно истолкованного библейского текста – как непрекословного источника истины и авторитета.

В начале же XX в. легализация целого ряда неправославных исповеданий, ставшая одним из немногих либеральных последствий революционных событий 1905 – 1907 гг., активизировала их деятельность и стала мощным вызовом для официального православия. “Противосектантская” миссионерская деятельность, проводимая посредством специально созданного института православных “епархиальных миссионеров” и иных церковных структур, стала важной идеологической составляющей религиозной жизни в государстве. А духовные академии (Киевская была ключевой именно в “антисектантском” смысле) должны были обеспечивать надлежащий богословский уровень своих кадров.

Проф. Рыбинский в ходе обсуждения одной из “антисектантских” монографий сформулировал главное библиологическое задание миссионерства и связанной с ним полемики. Оно заключалось в том, чтобы обеспечить “надлежащее отношение к Библии” и возвышение оппонентов до уровня “правильного толкования библейского текста”, обязанность подавать “сведения о Библии совершенно точные” и показывать своим оппонентам пример “правильной экзегезы”⁵⁴. Объективные же трудности на этом пути, выявленные в ходе дискуссии, и особо отмеченные еще одним рецензентом монографии, доцентом, священником Николаем Фетисовым (1884 – 1938), касались сложностей приспособления научных данных к особенностям народной религиозности, к потребностям аудитории. Необходимость соблюдать рационализированные богословские правила

⁵³ “Osoboye mnenie ordinarnogo professora Vladimira Rybinskogo o pechatnom sochinenii Khersono-Odesskogo missionera, kandidata bogoslovoviya, Mikhaïla kal’neva, pod zaglaviem “Oblichenie lzheuchenia russkikh sektantov-racionalistov” (Odessa, 1913), predstavlenno na soiskanie stepeni magistra bogoslovvia,” [The special opinion of an ordinary professor Vladimir Rybinskii on a printed work by Kherson and Odessa missionary, kandidat of theology, Mikhail Kal’nev, under the headline “Exposing the false teachings of the Russian sectarians-racionalists”, submitted for the degree of Doctor of Theology], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1914), *Attachment*, 279–288; no. 1 (1915), *Attachment*, 289–303.

⁵⁴ “Osoboye mnenie ordinarnogo professora Vladimira Rybinskogo,” [The special opinion of an ordinary professor Vladimir Rybinskii], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1914), *Attachment*, 286–287; no. 1 (1915), *Attachment*, 290.

библейской экзегезы и научные процедуры исследования вынуждена была согласовываться с объективной потребностью в упрощении и унификации библейских толкований ради утверждения церковных догматов и практик на уровне массового религиозного сознания⁵⁵.

Западная протестантская библеистика: её критика и поиск апологетических союзников

Исключительный статус Библии в протестантской интеллектуальной культуре обусловил и глобальные тенденции развития научных библиологических исследований. Оценка этих тенденций также была дана профессорами КДА. Тот же проф. С. Сольский выделил, прежде всего, масштабную либерально-богословскую рационалистическую трансформацию, из-за которой еще с середины XVIII в. “священный кодекс библейских книг превратился в собрание произведений религиозной письменности”, “древних литературных памятников”, которые “трактуются как обычные произведения, отличающиеся от остальных лишь религиозным характером и содержанием”. Во второй половине XIX ст. появилась “документарная теория”, в рамках которой на принципах исторической стадильности религиозных форм, применения диалектики для реконструкции исторических процессов была продолжена критика “общеисторических предпосылок” возникновения библейского текста. Проблематика этой теории надолго определила направленность полемики в европейской библеистике. С другой стороны, в ответ на отмеченный “рационалистически-критический поворот” в протестантском богословии активизировались “ортодоксальные”, “умеренные”, “апологетические” направления которые, воздавая должное научным данным, “смягчали рационалистический произвол в библейской экзегетике”, вырабатывали историко-критический метод, избегающий “крайних выводов”⁵⁶.

В Киеве постоянно интересовались стремлением западных коллег-апологетов сопротивляться как “спиритуалистическим”, так и “натуралистически-критическим” взглядам на Библию, вообще “модным” рационалистическим теориям. Об этом свидетельствуют довольно регулярные ежегодные критико-

⁵⁵ “Otziv i.d. docent sviashch. Nikolaya Fetisova o pechatnom sochinenii Khersono-Odesskogo missionera, kandidata bogoslovoviya, Mikhaïla kal'neva, pod zaglavïem “Oblichenie lzheuchenia russkikh sektantov-racionalistov” (Odessa, 1913), predstavlennoġo na soiskanie stepeni magistra bogoslovïa,” [The review of docent priest Nikolai Fetisov on a printed work by Kherson and Odessa missionary, kandidat of theology, Mikhail Kal'nev, under the headline “Exposing the false teachings of the Russian sectarians-rationalists”, submitted for the degree of Doctor of Theology], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1914), Attachment, 252–259.

⁵⁶ S. Solskii, “Iz lektsii po Novomu Zavetu,” [From Lectures on New Testament], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 8 (1877), 249, 271–275, 280–284; Solskii S. M. “Kakov mozhet byt' sostav nauchnikh vvedenii v knigi Sviashchennogo Pisaniya v nastoyashchee vremia?” [What can be the Composition of Scientific Introduction to the books of the Holy Scriptures at the Present Time?], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 3 (1887), 363–366.

библиографические обзоры западной библиологической литературы⁵⁷. Поэтому для нас важно проследить, каким образом протестантизм воспринимался православными библеистами не только как объект критики, но и как своего рода апологетический союзник.

Базовую идею в отношении критериев, применимых для дальнейших поисков подобного рода, высказал в нескольких своих работах киевский профессор библейской истории Федор Покровский (1849 – 1919). Специальные вопросы о происхождении и авторстве библейских книг, об истории библейского текста, его аутентичности как исторического источника, по его мнению, отражали столкновение т.н. “супранатуралистического” объяснения исторических процессов с подходом негативно-рационалистическим, деструктивным в духовном смысле⁵⁸. В данном послы Покровскому сопутствовал проф. В. Рыбинский. В своем фундаментальном очерке истории ветхозаветной библейской критики Рыбинский отметил, что рационализм в библеистике еще с конца XVIII ст. основывался на перенесении опыта изучения светской литературы на литературу священную. Отрицание же мистического, “супранатурального” фактора происхождения библейских текстов питалось философскими влияниями: английского деизма, немецкого рационализма и романтизма. Рыбинский выделил также системные черты “негативной” библейской критики, осуществленной на ветхозаветном материале библеистами “графо-велльгаузенской школы”⁵⁹.

Эвристически ценным в работах обоих киевских исследователей стал разбор реально слабых мест в аргументации тогдашних критиков-рационалистов. В частности, это критика Ф. Покровским гегельянского по происхождению логического схематизма и пренебрежение эмпирическими фактами, проведенная на примерах из истории древнего Израиля и самого библейского текста⁶⁰. В. Рыбинский, в свою очередь, обнаружил еще одно слабое место в теоретических построениях и аргументации западных оппонентов. Это было распространенное среди критиков-рационалистов мнение, что признание близкого сходства изображенных в Библии верований, моральных понятий и религиозных практик с небиблейскими элементами культуры, например, вавилонской, содержит “смертельный удар по привычным представлениям о богодухновенности Ветхого Завета”. Киевский библеист в отзыве на выступления

⁵⁷ V. Rybinskii, “Zametki o literature po Sv. Pisaniu Vetkhogo Zaveta za istekshii 1897 god,” [The Notes on Literature on the Sacred Scripture of Old Testament for the past 1897], *Trudy Kievskoi Dухovnoi Akademii*, no. 3 (1898), 430, 437–438, 441; V. Rybinskii, “Zametki o literature po Sv. Pisaniu Vetkhogo Zaveta za Zametki o literature po Sv. Pisaniu Vetkhogo Zaveta za 1904 god,” [The Notes on Literature on the Sacred Scripture of Old Testament for the 1904], *Trudy Kievskoi Dухovnoi Akademii*, no. 11 (1905), 414, 418–420, 423–425.

⁵⁸ F. Pokrovskii, “Po povodu vozrazhenii sovremennoi kritiki protiv sushchestvovaniya Moisseeva zakona ranee drevneyshikh prorokov-pisatelei,” [About Objections of Modern Critic against the existence of Mosaic Law earlier the most ancient Prophets-Writers], *Trudy Kievskoi Dухovnoi Akademii*, no. 1 (1890), 61–62; F. Pokrovskii, “Uchebnik bibleiskoi istorii Vetkhogo Zaveta, doktora Avgusta Kelera, ordinarnogo professora Bogosloviya v Erlangene,” [Textbook of Biblical History by Dr. August Keler, ord. Prof. of Theology in Erlangen], *Trudy Kievskoi Dухovnoi Akademii*, no. 8 (1894), 630–631.

⁵⁹ V. Rybinskii, “Bibleyskaya vetkhovzetnaya kritika,” [Biblical Old Testament Criticism], *Trudy Kievskoi Dухovnoi Akademii*, no. 12 (1908), 598–611.

⁶⁰ Pokrovskii, “Po povodu vozrazhenii sovremennoi kritiki,” 67–70.

известного немецкого пропагандиста “панвавилонизма” Ф. Делича отмечает слабость такой посылки: подобные констатации опасны лишь для обыденных, плоских представлений о богодухновенности. При правильной постановке это “вопрос не столько догматический, сколько исторический”. В. Рыбинский признает исторический генезис религиозных верований разных народов, но при условии признания примата супранатурального начала религиозной истории человечества, явленного в библейском повествовании. При этом главным является удержание телеологических, провиденциалистских позиций: утверждение особого значения ветхозаветной религии как “религии богооткровенной”, очищенной от “языческих примесей и согласной с целью домостроительства нашего спасения”, “явлением чрезвычайным, понятным лишь при условии допущения Божественного вмешательства”⁶¹.

Так что вполне органичным выглядит стремление киевских библеистов к такой рецепции западноевропейской истории, археологии, филологии, литературоведения, других наук, которая усиливала бы апологию Библии. Речь о таком восприятии западной библейской науки, которое, учитывая историческую и литературную критику библейских книг, сохраняет согласие с церковной традицией по основным пунктам: защита исторической достоверности библейских повествований; признание “супранатурального” фактора библейской истории; изложение этой истории в согласии с церковным порядком⁶².

Потому понятна солидарность Ф. Покровского с зарубежным опытом создания апологетически ориентированных учебников. Анализируя один из них, киевский библеист отмечает представление библейской истории, “верной своим источникам и вместе с тем защищенной от возражений современной библейской критики, освещенную и подтвержденную новейшими открытиями там, где это возможно”⁶³. Идеальный учебник должен научать телеологическому, провиденциальному истолкованию движущих факторов истории; провозглашать в ней синергию сверхъестественного и человеческого⁶⁴. Опираясь на широкий круг научной и богословской литературы, активно используя вспомогательные средства изучения Библии, он должен воспитывать критическое отношение к рационалистическим истолкованиям⁶⁵.

С отмеченными выше усилиями Ф. Покровского и В. Рыбинского были сопоставимы устремления профессоров Димитрия Богдашевского и свящ. Александра Глаголева. Так, Д. Богдашевский, критикуя гегельянский историософский схематизм Ф. Баура и ново-тюбингенской школы, в то же время допускал использование аргументов западных авторов – когда они отвечали требованиям церковной апологетики: цитировал А. Гарнака, признававшего исторический

⁶¹ V. Rybinskii, “Vavilon i Bibliya (po povodu rechi Delitscha “Babel und Bibel”),” [Babylon and Bible (about the Delitsch's speech “Babel und Bibel”), *Trudy Kievskoï Dukhovnoï Akademii*, no. 5 (1903), 126–129.

⁶² Rybinskii, “Bibleyskaya vetkhozavetnaya kritika,” 612–613.

⁶³ Pokrovskii, “Uchebnik bibleiskoi istorii Vetkhogo Zaveta,” no. 8 (1894), 632.

⁶⁴ Pokrovskii, “Uchebnik bibleiskoi istorii Vetkhogo Zaveta,” no. 9 (1894), 161.

⁶⁵ Pokrovskii, “Uchebnik bibleiskoi istorii Vetkhogo Zaveta,” no. 8 (1894), 632–663; no. 9 (1864), 161, 163–169.

характер книги Деяний, или же Г. Эвальда, критиковавшего ново-тюбингенскую школу⁶⁶. А Глаголев, даже основываясь на критическом изложении идей протестантского гебраиста, переводчика Библии и экзегета Э. Кауча, представителя скорее «умеренного» крыла в тогдашней европейской библеистике (широко использовавшего историко-критический метод), стремился максимально использовать апологетический потенциал западного исследователя⁶⁷.

Значимость усвоения Глаголевым этого потенциала усматриваем в акценте на том, что прочтение библейского текста именно как Откровения Божьего обязательно “свершается” в позитивном усвоении его значения не только как исторического источника, но прежде всего – как источника веры и морали. Главным же является признание решающей роли христианского Откровения для верной оценки смысла ветхозаветного повествования: именно “Господь Иисус Христос дает нам начало для этой оценки”⁶⁸. Причем именно в этом абсолютном, священном масштабе только и возможна любая критика традиции. Всякая “свобода суждения”, признание наличия “неточных, несовершенных мнений”, “подготовительного характера” и “несовершенства религиозного ведения в Ветхом Завете по разным вопросам” перестают быть проблемой именно благодаря искреннему усвоению того факта, что все противоречия снимаются путем действия “Духа Божия, Слова Божия, вечного и непреходящего”. А познание “живого Бога” осмысливает прочтение Ветхого Завета и должно воплотиться в “проповедь, свободную от схоластики, понятную сердцу и совести”⁶⁹.

* * *

Не исчерпывая сказанным всей заявленной темы, мы попытались зафиксировать и осветить лишь некоторые моменты многовекового взаимодействия киевской православной традиции прочтения, исследования и применения Библии с европейским и мировым опытом, рожденным Реформацией и постреформационной протестантской культурой. Осмысление этого опыта стало в свое время значительным аспектом историко-церковных и библейско-богословских исследований выдающихся представителей Киевской духовной академии XIX – начала XX в. Несомненно, такое осмысление может быть актуальным и полезным также и в наши дни – особенно в процессе дальнейших системных исследований духовно-интеллектуального наследия не только КДА, но и других православных духовных школ.

⁶⁶ See: D. Bogdashevskii, “O Evangeliakh i evangel’skoy istorii (protiv sovremennogo racionalizma),” [On Gospels and Gospel History (against modern racionalizm)], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 2 (1902), 287–288, 292, 300–301; D. Bogdashevskii, “Istoricheskiĭ kharakter knigi Deyanii Apostol’skikh,” [Historical Character of the Book of Acts], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1909), 384–389, 391–392, 396–399.

⁶⁷ A. Glagolev, priest, “Neprekhodiashchee znachenie Vetkhogo Zaveta. Bibliologicheskaia zametka na: Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emil Kautzsch, Tübingen und Leipzig,” [The Lasting Importance of the Old Testament. Bibliological Article on: Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emil Kautzsch, Tübingen und Leipzig], *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1902), 491–504.

⁶⁸ Glagolev, “Neprekhodiashchee znachenie Vetkhogo Zaveta,” 494.

⁶⁹ *Ibid.*, 495, 501.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bogdashevskii, D. "O Evangel'skikh Chudesakh (Zametka protiv racionalistov I v chastnosti protiv grafa L. Tolstogo)." [On Gospel's Miracles. (Notes against Racionalists and count Leo Tolstoy in particular)]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 8 (1900): 473–93.
- Bogdashevskii, D. "O Evangeliakh i evangel'skoi istorii (protiv sovremennogo racionalizma)." [On Gospels and Gospel History (against modern racionalizm)]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 2 (1902): 269–302.
- Bogdashevskii, D. "Evangelie kak osnova zhizni (po povodu sovremennykh social'no-ekonomicheskikh voprosov)." [The Gospel as a Fundament of Life (about current social and political issues)]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 4 (1906): 547–76.
- Bogdashevskii, D. "Sovremennye vragi Kresta Khristova." [The present enemies of the cross of Christ]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 10 (1908): 273–85.
- Bogdashevskii, D. "Istoricheskii kharakter knigi Deyanii Apostol'skikh." [historical character of the book of Acts]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1909): 381–425.
- Bulgakov, Af. "Ideal obchchestvennoi zhizni po opredeleniyu katolicheskogo, reformatskogo i luteranskogo veroispovedaniy." [Ideal of Social Life According to Catholic, Reformed and Lutheran confessions]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 9 (1891): 86–102.
- Bulgakov, Af. "Chetyriokhsotletie Novoy istorii." [The Four Centuries of Modern History]. *Trudy Kievskoyi Dukhovnoi Akademii*, no. 9 (1893): 106–7.
- Bulgakov, Af. "Iz zagranichnoi religioznoi zhizni." [From Foreign Religious Life]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 10 (1893): 282–92.
- Glagolev, A., priest. "Neprekhodiashchee znachenie Vetkhogo Zaveta. Bibliologicheskaiia zametka na: Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emil Kautzsch, Tübingen und Leipzig." [The Lasting Importance of the Old Testament. Bibliological Article on: Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emil Kautzsch, Tübingen und Leipzig]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1902): 491–504.
- Glagolev, A., priest. "Vetkhii Zavet i yego neprekhodiashchee znachenie v khristianskoi Tserkvi." [The Old Testament and Its Lasting Importance for the Christian Church]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1909), 353–80; no. 12 (1909): 517–50.
- Glubokovskii, N. *Russkaia bogoslovskaiia nauka v ee istoricheskom razvitii i noveishem sostoianii*. [Russian Theological Science in its Historical Development and Newest State]. M.: Sviato-Vladimirskoie Bratstvo, 2002.
- Golovashchenko, S., Edr. *Istoria evangel'sko-baptistskogo dvizhenia v Ukraine. Materialy i dokumenty*. [The History of Evangelical-Baptist Movement in Ukraine. Materials and Documents]. Odessa: Bogomyслиe, 1998.
- Golovashchenko, S. "Bibliia iak predmet populiarnoho vyvchennia: kyivs'ka viziia kintsia XIX – pochatku XX st." [The Bible as a Subject of Popular Study: Kyiv Vision of the late 19th – early 20th ct.]. *Kyivs'ka Akademiia*, Iss. 8 (2010): 44–50.

- Golovashchenko, S. “Predystoria ruskoj Tolkovoj Biblii v Kievskoj Dukhovnoj akademii («Pravila dlia rukovodstva pri sostavlenii obiasnitel'nykh primecanij k russkomu tekstu Biblii» A. A. Olesnitskogo).” [Prehistory of Russian Commented Bible in Kiev Theological Academy “Guidelines for Composition of Explanatory Notes to Russian Bible Text by A. Olesnitskij]. *Trudy Kyivs'koj Dukhovnoj Akademii*, no. 12 (2010): 79–91.
- Golovashchenko, S. “Biblia i bibliologicheskaya literatura v Kievo-Mohilianskoj akademii konca XVIII – nachala XIX v.: teksty, zhanry, tradicii (iz opytov rekonstrukcii dukhovno-intellektual'nogo naslediya KDA).” [The Bible and Bibliological Literature in Kiev-Mohila Academy in 18 – early 19 ct.: the texts, genres, traditions (from attempts to reconstruct the heritage of KThA)]. *Trudy Kyivs'koj Dukhovnoj Akademii*, no. 15 (2011): 23–40.
- Golovashchenko, S. *Doslidzhennia ta vykladannia Biblii v Kyivs'kij dukhovnij Akademii XIX – pochatku XX st.: Monograph* [Research and Teaching of the Bible in Kiev Theological Academy 19 – early 20 ct.]. K.: Publishing House of Ukrainian Orthodox Church, 2012.
- Golovashchenko, S. “Uchebnyj protsess i nauchnyj potentsial KDA (XIX – nach. XX v.) Bibleistika.” [Educational Process and Scientific Potential of KThA (19th – early 20th ct.). Biblical Studies]. *Pravoslavnaia Entsiklopedia* [Orthodox Encyclopedia], vol. 33 (2013): 110–16.
- Golovashchenko, S. “Biblijeznavstvo v Kyivs'kij dukhovnij akademii (XIX – poch. XX st.): stanovlennia i rozvytok” [Biblical Studies in Kyiv Theological Academy (19 – early 20 ct.; formation and development)]. Doctor of Science degree Thesis, Kyiv Dragomanova Pedagogical University, 2015.
- Golovashchenko, Sergiy. “Biblical Studies at the Kyiv Theological Academy (19th — early 20th Centuries): The Results and Prospects of the Research.” *Kyiv-Mohyla Humanities Journal* 2 (2015): 11–30. Accessed 05 October, 2015, doi:[10.18523/KMHJ51019.2015-2.11-30](https://doi.org/10.18523/KMHJ51019.2015-2.11-30).
- Golovashchenko, S. “Drevneevrejskij yazyk v KDA kak yazyk Biblii: konfessional'nye i ideologicheskie obstoiatel'stva izucheniya i prepodavaniya.” [Hebrew in KThA as a Language of the Bible: the confessional and ideological circumstances of study and teaching]. URL: <http://www.jcrelations.net/.3424.0.html?L=7>
- Golovashchenko, S. “Istoriya vitchyznianoj pravoslavnoj recepcii Biblii u tvorakh prof. Stefana Sols'koho: vidnaidennia vlasnogo miscia v Europejs'komu konteksti.” [History of domestic Orthodox reception of the Bible in the works of prof. Stephen Sol'skii: finding of own place in European Context]. *Pravoslav'ia v Ukraïni. Zbirnyk*. K., 2017: part 2, 60-7.
- Drozdov, N. “Zaprosy sovremennoj zhizni v otnoshenii k bogoslovskoy nauke.” [The Demands of Modern Life in Relation to Theology]. *Trudy Kievskoj Dukhovnoj Akademii*, no. 10 (1885): 212–15.
- Eleonskij, F. “Otechestvennyie Trudy po izucheniiu Biblii v XIX veke.” [Domestic Works on Biblical Study in 19th ct.]. *Khristianskoie Chteniie*, vol. I (1901): 5–28, 633–60; vol. I (1902): 39–64, 504–24; vol. II (1902): 107–25.
- Kuz'mina, S. *Filosofia osvity i vykhovannia u kyivs'kij akademichnij tradytsii XIX – pochatku XX st.: Monografia*. [Philosophy of Education in Kyiv Academic Tradition: Monograph]. Simferopol: Orianda, 2010.

- Makaveyskii, N. "Vopros o prigotovlenii k pastorstvu v sovremennoi protestantskoi Germanii." [The Question of Preparing for Pastoral Work in Modern Germany]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 4 (1894): 536–53.
- Makaveyskii, N. "Religiia i narodnost' kak osnova vospitaniya." [Religion and Nationality as the basis of education]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1895): 428–72.
- Nichyk, V. *Symon Todors'kyi i gebrayistyka v Kyievo-Mohylians'kii Akademii*. [Simon Todorski and Hebrew Studies in Kyiv-Mohyla Academy]. K.: KM Academia, 2002.
- "Osoboye mnenie ordinarnogo professora Vladimira Rybinskogo o pechatnom sochinenii Khersono-Odesskogo missionera, kandidata bogoslovoviya, Mikhaila Kal'neva, pod zaglaviiem "Oblichenie lzheuchenia russkikh sektantov-racionalistov" (Odessa, 1913), predstavlennoho na soiskanie stepeni magistra bogoslovia." [The special opinion of an ordinary professor Vladimir Rybinskii on a printed work by Kherson and Odessa missionary, kandidat of theology, Mikhail Kal'nev, under the headline "Exposing the false teachings of the Russian sectarians-racionalists", submitted for the degree of Doctor of Theology]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1914): Attachment, 279–88; no. 1 (1915): Attachment, 289–303.
- "Otzyv i.d. docenta sviashch. Nikolaya Fetisova o pechatnom sochinenii Khersono-Odesskogo missionera, kandidata bogoslovoviya, Mikhaila kal'neva, pod zaglaviiem "Oblichenie lzheuchenia russkikh sektantov-racionalistov" (Odessa, 1913), predstavlennoho na soiskanie stepeni magistra bogoslovia." [The review of docent priest Nikolai Fetisov on a printed work by Kherson and Odessa missionary, kandidat of theology, Mikhail Kal'nev, under the headline "Exposing the false teachings of the Russian sectarians-racionalists", submitted for the degree of Doctor of Theology]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1914): Attachment, 248–73.
- Pevnitskii, V. "Ob otnoshenii k Tserkvi nashego obrazovannogo obshchestva (Publichnoe chtenie)." [On our Educated Society attitude towards the Church (Public Reading)]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 2 (1902): 255–58.
- Petrov, N., ed. *Akty i dokumenty, otnosiashchiesia k istorii Kievskoi Akademii* [Acts and Documents relating to the History of Kiev Academy]. Section II, Vol. 5, № LXXVII. K., 1908: 300–470.
- Pokrovskii, F. "Po povodu vozrazhenii sovremennoi kritiki protiv sushchestvovaniya Moisseeva zakona ranee drevneyshikh prorokov-pisatelei." [About Objections of Modern Critic against the existence of Mosaic Law earlier the most ancient Prophets-Writers]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 1 (1890): 61–98.
- Pokrovskii, F. "Uchebnik bibleiskoi istorii Vetkhogo Zaveta, doktora Avgusta Kelera, ordinarnogo professora Bogosloviya v Erlangene." [Textbook of Biblical History by Dr. August Keler, ord. Prof. of Theology in Erlangen]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 8 (1894): 630–663; no. 9 (1894): 146–70.
- "Pravila dlya rukovodstva pri predpolagaemom sostavlenii v Kievskoi dukhovnoi Akademii obiasnitel'nykh primechaniy k russkomu tekstu Biblii (uchitel'nykh knig), sostavlennye, po porucheniyu Soveta Akademii, extraordinarnym professorom Ak. Olesnitskim." [Guide-

- lines for Proposed Composition of Explanatory Notes to Russian Bible Text, drawn up, on behalf of Academy Council by extraordinary professor Ak. Olesnitskii]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, vol. III (1877): Attachment, 231–37.
- Rybinskii, V. “Biblia dlia detei.” [The Bible for Children]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 1 (1897): 3–34.
- Rybinskii, V. “Zametki o literature po Sv. Pisaniuu Vetkhogo Zaveta za istekshii 1897 god.” [The Notes on Literature on the Sacred Scripture of Old Testament for the past 1897]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 3 (1898): 429–56.
- Rybinskii, V. “O Biblii (Publichnoe Chtenie).” [On the Bible (Public Readings)]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 3 (1902): 359–82.
- Rybinskii, V. “Vavilon i Bibliya (po povodu rechi Delitscha “Babel und Bibel”).” [Babylon and the Bible (about the Delitsch’s speech “Babel und Bibel”)]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 5 (1903): 113–44.
- Rybinskii, V. “Zametki o literature po Sv. Pisaniuu Vetkhogo Zaveta za 1904 god.” [The Notes on Literature on the Sacred Scripture of Old Testament for the 1904]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 11 (1905): 413–35.
- Rybinskii, V. “Bibleyskaia vetkhovetnaia kritika.” [Biblical Old Testament Criticism]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 12 (1908): 575–613.
- Shchukin, V. “Simon Todorskiĭ, ego znachenie v istorii nauki staroi kievskoi akademii.” [Simon Todorskii, its significance in the History of Science of the Old Kiev Academy. Thesis, Kiev Theological Academy, 1895]. K.: Institute of Manuscripts of Vernadskii National Library of Ukraine, Document code 1418.
- Solskii, S. “Upotreblenie i izuchenie Biblii v Rossii ot kreshchenia Rusi i do XV v.” [Use and Study of the Bible in Russia from Baptism of Rus to XV ct.]. *Pravoslavnoe Obozrenie*, vol. 27, no. 10 (1868): 145–80; no. 11 (1868): 251–70.
- Solskii, S. “Obozrenie trudov po izucheniiu Biblii v Rissii s XV veka do nastoyashchego vremeni.” [Review of the Works on the Study of the Bible from XV ct. to the Present Day]. *Pravoslavnoe Obozrenie*, vol. 1, no. 2 (1869): 190–221; no. 4 (1869): 538–77; no. 6 (1869): 797–822.
- Solskii, S. “Ob uchastii imperatora Aleksandra I v izdanii Biblii na russkom yazyke.” [On the Participation of the Emperor Alexander I in the Publication of the Bible in Russian]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 1 (1878): 172–96.
- Solskii, S. “Iz lektsii po Novomu Zavetu.” [From Lectures on New Testament]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 8 (1877): 234–84.
- Solskii, S. “Ostrozhskaia Bibliya v sviazi s tseliami i vidami ee izdatelia.” [The Ostrog Bible in connection with Goals and Types of Its Publisher]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 7 (1884): 293–320.
- Solskii, S. “Tserkovno-prikhodskaia shkola.” [Church Parochial School]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 9 (1886): 146–62.

- Solskii S. M. “Kakov mozhet byt’ sostav nauchnikh vvvedenii v knigi Sviashchennogo Pisaniya v nastoyashchee vremia?” [What can be the Composition of Scientific Introduction to the books of the Holy Scriptures at the Present Time?]. *Trudy Kievskoï Dukhovnoï Akademii*, no. 3 (1887): 358–76.
- Sukhova, N. *Vysshaia dukhovnaia shkola. Problemy i reform. Vtoraia polovina XIX v.* [Higher Theological School. Problems and Reforms. The Second Half of the 19th ct.]. M.: PSTGU, 2006.
- Sukhova, N. *Russkaia bogoslovskaiia nauka (po doktorskim i masterskim dissertatsiiam 1870–1918 gg.)* [Russian Theological Science (according Doctoral and Master’s Theses 1870–1918)]. M.: PSTGU, 2012.
- Titov, F., archpriest. *Imperatorskaia Kievskaiia Dukhovnaia Akademiia v ee trekhvekovoi zhizni i deiatel’nosti (1615–1915 gg.): Istoricheskaia zapiska.* [Imperial Kiev Theological Academy in its three-century Life and Activity (1615 – 1619): Historical Note]. K.: Hopak, 2003.
- Tkachuk, M. “Kyïvs’ka dukhovna akademiia (1819–1924): storinkamy istorii.” [Kyiv Theological Academy: Pages of History]. *Kyïvs’ka Dukhovna akademiia v imenakh: 1819–1924: Encyklopedia: v 2 t.* [Kyiv Theological Academy in the Names: 1819–1924: Encyclopedia, 2 vols.]. Vol. 1. K.: Kyievo-Mohylians’ka akademiia, 2015: 9–55.
- Florovskii, G. archpriest. *Puti russkogo bogosloviya.* [The Path of Russian Theology]. M.: Institut russkoy civilizatsii, 2009.
- Chistovich, I. *Istoriia perevoda Biblii na russkii iazyk.* [History of Translation of the Bible into Russian]. St. Petersburg, 1899.
- Voronov A. “Zametki iz tserkovnoy zhizni Zapada (otristsatel’nye napravleniia v sovremennom khristianstve).” [Notes from the Church Life of the West (the negative trends in modern Christianity)]. *Trudy Kievskoy Dukhovnoy Akademii*, no. 6 (1866): 231–54.
- Keil C.F. und Delitzsch F. *Biblischer Kommentar über das Alte Testament.* Theile I–V. Leipzig, 1861–75.